

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДКЛЮЧЕНИЯ КИТАЯ К ОГРАНИЧЕНИЮ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

АЛЕКСЕЙ АРБАТОВ, ВИКТОР ЕСИН | АВГУСТ 2014

Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в обозримом будущем будет определяться отношениями между Китаем и США. В стратегическом ядерном контексте главную роль будет играть взаимодействие или противостояние трех держав: КНР, США и России.

ОБЩИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Алексей Арбатов

Кризис вокруг Украины повлек беспрецедентное за последние десятилетия обострение отношений России с США и Европейским союзом. Из пространства сотрудничества и общей безопасности Европа опять стала регионом политического противостояния и взаимных санкций. Вновь, как это было во времена войн в Югославии в 1990-х годах и в Грузии в 2008 г., происходит силовой передел границ, на юго-востоке Украины продолжаются кровопролитие и разрушение материальных ценностей.

По правилам формирующегося полицентричного мира конфронтация России и Запада увеличила возможности других центров силы глобального и регионального масштаба, прежде всего Китая. Именно КНР благодаря своей осторожной и прагматичной политике заняла то место, на которое традиционно претендовала Россия, — роль «балансира»

между Западом и Востоком, причем «Востоком» оказалась в этой ситуации Россия, принявшая в последние годы доктрину и политику так называемого евразийства.

В новой глобальной конфигурации и Запад, и еще в большей мере Россия стремятся привлечь КНР на свою сторону или хотя бы не допустить ее серьезного сближения с оппонентами. Это чрезвычайно выгодно Пекину во всех отношениях. Такова неумолимая логика полицентричного мира, и она будет сказываться на военно-стратегических отношениях сторон. Правда, это произойдет не сразу, а со временем — соразмерно инерционности военно-стратегической материальной базы и менталитета.

Россия, помимо заключения масштабных экономических контрактов в основном на условиях китайской стороны, встала на путь всемерного расширения военно-технического и военного сотрудничества с Китаем. (Например, обсуждается поставка новейшей зенитно-ракетной систе-

ОБ АВТОРАХ

Алексей Арбатов — председатель программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги.

Виктор Есин — ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН.

мы С-400, которая только начала поступать в российские войска, проводятся масштабные совместные учения флотов и других видов вооруженных сил.)

Соединенные Штаты до сих пор не шли на существенные политические и экономические уступки Китаю, поскольку это могло напугать их союзников в западной части Тихоокеанского региона. Но в обозримом будущем можно ожидать подобных инициатив в контексте содержательного взаимодействия Китая и США по тематике стратегической стабильности с перспективой перехода к полномасштабным переговорам по ограничению стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Правда, союзники США (прежде всего Япония) будут обеспокоены такой перспективой, но их возражения можно снять за счет наращивания их оборонного потенциала и военного сотрудничества с США.

В то же время серьезные стратегические переговоры с Китаем вполне укладываются в русло нового курса США на сдерживание и изоляцию России, одновременно отвечая благородной цели ядерного разоружения. Для Вашингтона откроется возможность лишить Россию ее привилегированного статуса как единственного равноправного партнера США в диалоге по этой уникальной проблематике военно-политических отношений и международной безопасности. Это будет вполне укладываться в американские представления о том, что в XXI в. останутся две сверхдержавы: США и КНР, а центр тяжести мировой экономики и политики переместится в АТР, в котором Россия обречена играть маргинальную роль.

Такой поворот событий в американо-китайских отношениях вряд ли понравится России: аналогичным образом Москва была ошарашена неожиданным демаршем Вашингтона по налаживанию диалога с Пекином в начале 1970-х годов. Но объективно перспектива ограничения китайских ядерных сил будет отвечать интересам стратегической безопасности России, причем сама она в обозримом будущем по политическим причинам не сможет оказывать на Китай никакого давления. В перспективе, если политический кризис в российско-американских отношениях в конце концов разрешится дипломатическими средствами и диалог по контролю над ядерными вооружениями во-

зобновится, вовлечение Китая в этот процесс будет вполне соответствовать официально выраженному желанию Москвы перевести ядерное разоружение из двустороннего формата в многосторонний. В любом случае России сто́ит заранее готовиться к возможности содержательного стратегического диалога между США и КНР при планировании своей линии в сфере контроля над ядерными вооружениями.

Курс Пекина менее предсказуем. Очевидно, он более всего заинтересован в том, чтобы в соревновании с Соединенными Штатами и их союзниками накрепко привязать к себе Россию в качестве «сырьевого тыла» (как это называют в Китае), пространства геополитической глубины и источника некоторых передовых военных и ядерно-энергетических технологий. Вместе с тем для Пекина должно быть весьма заманчиво принять на себя прежнюю роль СССР/России в качестве признанного главного партнера США по решению проблем международной безопасности включая переговоры по ядерным и другим вооружениям. Это будет полностью соответствовать китайской национальной идее стать к 2049 г. (100-летию образования КНР) ведущей глобальной державой.

Стратегическая позиция Китая

Несмотря на кажущуюся цельность и лапидарность, позиция и политика КНР в ядерно-стратегической сфере весьма противоречивы.

С одной стороны, Китай — единственное из девяти ядерных государств, которое на официальном уровне имеет обязательство о неприменении ядерного оружия первым, причем без всяких оговорок. В китайской «Белой книге» под названием «Китайская национальная оборона в 2010 г.» содержится призыв ко всем ядерным государствам «...отказаться от политики ядерного сдерживания на основе применения ядерного оружия первыми, принять безоговорочное обязательство ни при каких условиях не использовать и не угрожать использованием ядерного оружия против неядерного государства или зоны, свободной от ядерного оружия... Ядерные государства должны вести переговоры и заключить договор о неприменении ядерного оружия первыми друг против друга»¹.

Подход КНР к стратегической стабильности отличается от российско-американского тем, что он формулируется самыми общими благими политическими тезисами и не основан на примерном ракетно-ядерном паритете и концепции взаимного гарантированного уничтожения (ответным ударом). Касательно величины необходимых Китаю ядерных сил в различных словосочетаниях говорится, что они будут поддерживаться на минимальном уровне, «которого требует национальная безопасность»².

С другой стороны, Китай — единственная из пяти великих держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН и признанных пяти ядерных держав Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая не предоставляет никакой официальной фактической информации о своих ядерных силах и программах их развития. В прошлом, когда китайские ВВП, военный бюджет и ядерные силы были весьма скромны, это спокойно воспринималось другими державами. Но впредь, в свете экономического роста КНР и ее крупных программ модернизации ядерных и обычных сил, мирные декларации будут производить прямо противоположный эффект. Их станут воспринимать как способ скрыть правду и усыпить бдительность других государств.

С китайским безоговорочным обязательством неприменения ЯО первыми тоже далеко не все ясно. Обычно считается, что ядерная держава, отказавшаяся от первого удара (или первого применения ЯО), опирается на концепцию и средства ответного (второго) удара. Однако, по общепринятым оценкам, пока китайские стратегические ядерные силы (СЯС) в том виде, в каком о них знают за рубежом, равно как и системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), слишком уязвимы и недостаточно эффективны, чтобы обеспечить возможность ответных действий после гипотетического разоружающего ядерного удара США или России. Тем более китайские СЯС не обладают возможностью ответно-встречного удара по информации СПРН о факте ракетного нападения.

Поэтому официальную доктрину КНР многие зарубежные специалисты трактуют как преимущественно пропагандистский инструмент (вроде советского обязательства о непри-

менении ЯО первым от 1982 г.), не отражающий реального оперативного планирования СЯС. Возможно, на деле планируется упреждающий удар в ситуации, когда руководство страны решит, что война неизбежна.

Впрочем, не исключено, что и ответный удар является рабочей концепцией оперативного планирования, если в строящихся в Китае огромных защищенных подземных тоннелях хранится крупный резерв ракетно-ядерных средств, который обладает высокой живучестью, хотя и не может быть использован немедленно. Для усиления эффекта сдерживания в момент кризиса часть этого резерва может быть показана миру, чтобы сорвать планы противника, что было бы очень в духе традиций китайского стратегического мышления. Но в этом случае ядерные силы Китая должны быть значительно больше по численности, чем считается за рубежом на основе данных разведки об объектах, расположенных на поверхности земли.

Китай и системы противоракетной обороны

Вероятность наращивания ядерных сил КНР создает существенный, хотя и негласный стимул для развития системы неядерной противоракетной обороны (ПРО) США и их союзников на Дальнем Востоке. Несмотря на то что непосредственным обоснованием является отражение ракет КНДР, в реальности посредством ПРО Вашингтон, видимо, стремится максимально затруднить и отдалить перспективу обретения Китаем потенциала ядерного сдерживания на основе гарантированной возможности ответного удара по США, не говоря уже о достижении Пекином стратегического паритета.

По понятным причинам это вызывает в КНР еще большую озабоченность, чем беспокойство России по поводу программы ПРО НАТО. Китай отвечает развитием средств преодоления ПРО, противоспутниковой системы и своей собственной системы ПРО.

Стратегические системы в неядерном оснащении

США стремятся относительно уменьшить акцент на ядерное оружие в предоставленных гарантиях безопасности своим союзникам путем развития не только оборонительных, но и наступательных вооружений в обычном оснащении.

Это вызывает серьезную озабоченность в Китае, особенно в отношении американских средств большой дальности с высокоточным оружием (ВТО) — крылатых ракет морского и воздушного базирования в сочетании с космическими системами разведки, навигации и связи.

Еще бóльшая обеспокоенность Пекина связана с перспективой создания частично-орбитальных и ракетно-планирующих гиперзвуковых систем с высокоточным обычным оружием в рамках американской концепции «Быстрого глобального удара» (эксперименты с космическим самолетом X-37В в апреле 2010 г. и запуски систем HTV-2 и ATW в 2011—2012 гг.)³. Тревога Китая связана с вероятностью контрсилowych (разоружающих) неядерных ударов по ядерным силам страны. Дело в том, что эта гипотетическая возможность США подрывает официальную ядерную доктрину Китая, основанную на безоговорочном обязательстве о неприменении ЯО первыми. Эта доктрина, которой придается большое политическое значение (и которая при определенных условиях, указанных выше, может иметь и оперативное содержание), по идее не предполагает ядерного возмездия в ответ на нападение с применением высокоточных обычных вооружений. Если же Пекин снабдит оговорками свое обязательство о неприменении ЯО первыми (например, относительно возможности ядерного «ответа» на неядерный удар по своим ядерным силам), то доктрина Китая перестанет существенно отличаться от аналогичных доктрин других ядерных государств.

Китай и ограничение ядерных вооружений

Китай — единственная страна помимо США и России, обладающая большим экономическим и техническим потенциалом быстрого многократного наращивания СЯС в течение последующих 10—15 лет. Поэтому уже сейчас возникла необходимость учитывать китайские ядерные силы и программы их развития при обсуждении любого следующего российско-американского соглашения по сокращению стратегических вооружений после нового Договора СНВ от 2010 г.

Отличие Великобритании и Франции в том, что их силы сокращаются, они достаточно открыты и предсказуемы,

у них нет и не предвидится потенциала или намерения быстрого наращивания ЯО. Ядерное оружие Израиля, Пакистана и Индии, по всей видимости, не нацелено на США или Россию, а их экономические и технические ресурсы слишком ограничены, чтобы бросить вызов двум ядерным сверхдержавам. У Северной Кореи такие намерения есть, и она постоянно шантажирует непосредственных соседей ракетно-ядерными угрозами, но у нее отсутствует материальная возможность стать ощутимым фактором в мировом стратегическом балансе.

Повышение прозрачности позволило бы уточнить реальный размер, характеристики и потенциал наращивания китайских ядерных сил. Одно дело, если они составляют 240—300 единиц по боезарядам, как считает бóльшая часть международного стратегического сообщества⁴. Тогда для следующего этапа сокращения стратегических вооружений России и США (если и когда это станет возможно) едва ли необходимо ставить вопрос о юридически обязывающем ограничении китайского потенциала в ближайшее десятилетие. Как представляется, было бы достаточно политического обязательства о том, что они не будут существенно наращиваться в условиях дальнейших сокращений СЯС США и России.

Если же они насчитывают порядка 1000 боезарядов плюс ракетно-ядерные средства в тоннельных сооружениях, то без их ограничения дальнейшие сокращения двух других держав невозможны, даже если они улучшат свои политические отношения и достигнут согласия по вопросам ПРО и стратегических систем в обычном оснащении.

Официальная позиция Пекина состоит в том, что «...страны, обладающие наибольшими ядерными арсеналами... должны и в дальнейшем решительно сократить свои арсеналы проверяемым, необратимым и юридически обязывающим способом, с тем чтобы создать условия для полной ликвидации ядерных вооружений. Когда возникнут соответствующие условия, другие ядерные государства должны также присоединиться к многосторонним переговорам по ядерному разоружению»⁵.

Что касается открытия информации, Китай официально выдвигает требование отказа США (и, по умолчанию,

России) от концепции применения ядерного оружия первыми в качестве условия большей транспарентности китайских ядерных сил. Это на первый взгляд звучит убедительно, но на деле безосновательно. В планировании первого удара государства полагаются на собственные разведывательные данные, тем более что официальная информация Пекина не должна включать точные координаты всех его стратегических объектов. Однако для планирования договоров о СНВ для Москвы и Вашингтона транспарентность в отношении китайских сил и программ развития становится необходимой.

На деле, видимо, КНР рассматривает транспарентность как свой важнейший «козырь». Поэтому убедить Китай пойти на ядерную транспарентность в виде жеста доброй воли или вклада в переход к многостороннему разоружению скорее всего не удастся. В лучшем случае Пекин намерен вести по этому поводу жесткий торг и будет стремиться «продать» каждый частный фрагмент транспарентности за максимальную плату контрагентов.

Из-за украинского кризиса российско-американские отношения оказались в наихудшем состоянии со времен холодной войны, и шансы на дальнейшие сокращения стратегических вооружений после нового Договора СНВ выглядят неблагоприятными. Однако в случае политического урегулирования кризиса вопрос о следующем договоре рано или поздно будет возвращен в повестку дня отношений двух держав, и «китайский фактор» неизбежно опять всплывет на поверхность.

Другая возможность превращения китайских ядерных сил в предмет переговоров возникнет, если США и Китай, по вышеупомянутым стратегическим и политическим резонам, решат начать серьезный диалог по этим вопросам.

Предпосылки участия КНР в ограничении вооружений

Тем не менее, как представляется, Китай можно постепенно вовлечь в процесс ограничения ядерных вооружений. Но путь лежит не через благие пожелания, а на сугубо прагматической основе: если Пекин сочтет, что его уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и, косвенно, России) по

тем вопросам, которые интересуют Пекин. Представляется, что реальные предпосылки согласия Китая на поэтапное «открытие» своих стратегических вооружений и их ограничение (хотя бы через обязательство не наращивать количественно) таковы:

- обязательство США прекратить расширение средств ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане и обеспечить режим их транспарентности;
- согласие США на ограничение и меры транспарентности в отношении неядерных вооружений стратегической и средней дальности включая системы быстрого глобального удара.

При этом КНР не согласится юридически закрепить в договоре превосходство США по стратегическим ядерным вооружениям, а США едва ли пойдут на сокращение СЯС до уровня Китая. Однако при наличии политической воли двух сторон выход может быть найден, например, через соглашение об ограничении равными суммарными потолками (скажем, в 400—500 единиц) пусковых установок наземных межконтинентальных баллистических ракет (МБР), ракет средней дальности (РСД) и оперативно-тактических ракет (ОТР) по классификации нового Договора СНВ от 2010 г. и Договора РСМД от 1987 г. При этом, поскольку наземные РСД и ОТР США ликвидированы по Договору от 1987 г., у них останутся нынешние 450—420 ракет «Минитмен-3», а КНР сохранит имеющиеся у нее сегодня (по зарубежным оценкам) примерно 480 ракет трех названных классов.

В дальнейшем Китай получил бы возможность снимать с вооружения РСД и ОТР и вместо них вводить в строй МБР. Эту перспективу едва ли будут приветствовать США, но нужно учитывать, что без всяких соглашений КНР в любом случае может это делать или наращивать МБР в дополнение к РСД и ОТР. Поэтому США все-таки выиграют в результате транспарентности и ограничения китайских ядерных и обычных ракетных средств наземного базирования, которые их более всего беспокоят в глобальном и региональном контексте. При этом Соединенные Штаты сохранят значительное превосходство в морском и воздушном компонентах ядерной триады, где Китаю будет труднее всего преодолеть отставание.

Китай же получил бы от соглашения признание себя в качестве равного стратегического партнера США и второй глобальной сверхдержавы. Вышеописанное соглашение не содержало бы юридического запрета на достижение Китаем паритета с США по стратегическим бомбардировщикам и ракетным подводным лодкам, если он того пожелает. Это позволило бы Пекину сохранить престиж и избежать легализации своего отставания от США.

Стоит вспомнить, что «классический» контроль над вооружениями через переговоры СССР и США первоначально тоже основывался на частичных ограничениях. Временное соглашение ОСВ-1, заключенное в 1972 г., не охватывало тяжелые бомбардировщики и нестратегические ядерные вооружения. Оно ограничивало только пусковые установки наземных МБР и баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ), а также число самих подводных лодок (и то по последнему вопросу договоренность была неполной: стороны «зафиксировали разногласия»).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЯДЕРНЫХ СИЛ КИТАЯ

Виктор Есин

Ядерные силы Китая представляют собой триаду, включающую авиационный, наземный и морской компоненты.

Авиационный компонент ядерных сил состоит из стратегической авиации и тактических авиационных носителей ядерного оружия.

В стратегической авиации насчитывается до 120 дальних бомбардировщиков типа «Хун-6» (H-6) различных модификаций: от устаревшего «Хун-6А» до современного «Хун-6К». Эти самолеты являются носителями как ядерных, так и обычных вооружений. Они сведены в три дальнебомбардировочные дивизии (8-ю, 10-ю и 36-ю), в каждой из которых по два авиаполка (в авиаполку до 20 самолетов).

Бомбардировщики «Хун-6А» и «Хун-6Е» способны нести в бомбоотсеке одну ядерную бомбу В-5 мощностью 2 Мт, а их радиус боевого применения составляет 1800 км.

Бомбардировщик «Хун-6Н» может нести на подкрыльевых пилонах две ядерные крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) «Чан Цзян-10А» (СJ-10А), а его радиус боевого применения достигает 3000 км за счет увеличения запаса топлива (вместо бомбоотсека в фюзеляж встроены дополнительный топливный бак). Дозвуковая управляемая КРВБ «Чан Цзян-10А», оснащаемая ядерной боевой частью мощностью 20—90 кт, создана китайцами в конце 1990-х годов путем симбиоза советской стратегической КРВБ Х-55, приобретенной Китаем по контрафакту у Украины, и американской крылатой ракеты «Томагавк», поставленной Китаю Пакистаном. Дальность стрельбы КРВБ «Чан Цзян-10А» зависит от профиля полета и может достигать 2000 км.

Самый современный китайский бомбардировщик «Хун-6К», которому на Западе присвоено обозначение «Барсук», принят на вооружение в 2007 г. В отличие от модификаций «Хун-6Е» и «Хун-6Н» этот самолет не перестраивается из старых самолетов, а изготавливается с нуля. Это дозвуковой самолет (максимальная скорость — 1050 км/ч) с двумя турбореактивными двигателями Д-30КП российского производства, способный нести на подкрыльевых пилонах до шести КРВБ «Чан Цзян-10А». Его радиус боевого применения — 3500 км. Как считают специалисты, бомбардировщик «Хун-6К» обладает большим модернизационным ресурсом и может остаться в строю до 2050 г.

На конец 2013 г. в стратегической авиации Китая, по оценке, имелось до 50 бомбардировщиков «Хун-6А» и «Хун-6Е», а также порядка 70 бомбардировщиков «Хун-6Н» и «Хун-6К» (последних — не менее 20). Если исходить из этого, выделяемый для данных самолетов боекомплект ядерных боеприпасов может составлять 270 единиц (50 ядерных бомб В-5 и 220 ядерных боевых частей к крылатым ракетам «Чан Цзян-10А»).

В настоящее время осуществляется реструктуризация стратегической авиации Китая, сопровождаемая выводом из состава дальнебомбардировочных дивизий устаревших самолетов «Хун-6А» и «Хун-6Е» с заменой их на самолет «Хун-6К». Учитывая, что темпы вывода устаревших самолетов из боевого состава превышают темпы поступления

нового самолета, ожидается, что в ближайшие годы количество самолетов в стратегической авиации сократится до 80—90 единиц.

По сообщениям в СМИ, в Китае начаты опытно-конструкторские работы по созданию стратегического ракетносца «Хун-8», в конструкции которого многое заимствовано от американского стратегического бомбардировщика В-2А. Однако заслуживающие наибольшего доверия источники эту информацию не подтверждают.

Тактическими авиационными носителями ядерного оружия в Военно-воздушных силах (ВВС) Китая являются устаревшие истребители-бомбардировщики «Цян-5А» (Q-5А) и современные многоцелевые истребители «Цзянь-16» (J-16). Каждый из этих самолетов может нести одну ядерную бомбу В-4 переменной мощности от 5 до 20 кт. Радиус боевого применения самолета «Цян-5А» составляет 400 км (с двумя подвесными топливными баками — 1000 км), а самолета «Цзянь-16» — 1100 км.

К концу 2013 г. в ВВС Китая могло насчитываться до 280 тактических самолетов — носителей ядерного оружия, из них истребителей «Цзянь-16» — около 40. Всего для этих самолетов с учетом войскового резерва могло быть выделено до 300 ядерных бомб В-4.

В настоящее время интенсифицирован процесс вывода из боевого состава ВВС Китая устаревших самолетов «Цян-5А». Учитывая это обстоятельство, следует ожидать, что в ближайшей перспективе количество тактических самолетов — носителей ядерного оружия в ВВС Китая сократится до 200—220 единиц, поскольку темпы сертификации истребителей «Цзянь-16» для выполнения ядерных задач невысоки (порядка 10 самолетов в год).

Китай планирует закупить у России небольшую партию наиболее совершенного на сегодня отечественного многофункционального истребителя Су-35С. Если эта сделка состоится, то нельзя исключать, что в перспективе на базе этого самолета китайцы создадут новый авиационный носитель тактического ядерного оружия.

Наземный компонент ядерных сил Китая представлен Вторым артиллерийским корпусом (другое его название — Стратегические ракетные войска) Народно-освободительной армии Китая (НОАК). На конец 2013 г. в составе этого корпуса имелось шесть ракетных баз (51-я, 52-я, 53-я, 54-я, 55-я и 56-я) и обособленная 22-я база, являющаяся центральным хранилищем ядерных боеприпасов. Эта база решает задачу ядерного обеспечения в интересах всех видов войск НОАК.

Ракетные базы дислоцируются на территории шести из семи имеющихся в Китае военных округов, а именно в Шэньянском, Нанкинском, Чэндуском, Цзинаньском, Гуанчжоуском и Ланьчжоуском. На этих базах развернуты 34 ракетные бригады:

- три бригады с 20 пусковыми установками МБР «Дунфан-5А» (дальность стрельбы — до 12 000 км);
- одна бригада с 7 пусковыми установками МБР «Дунфан-31» (дальность стрельбы — до 8000 км);
- три бригады с 24 пусковыми установками МБР «Дунфан-31А» (дальность стрельбы — до 12 300 км);
- одна бригада с 7 пусковыми установками «Дунфан-4» (дальность стрельбы — до 5200 км);
- две бригады с 26 пусковыми установками БРСД «Дунфан-21» (дальность стрельбы — до 2000 км);
- шесть бригад с 76 пусковыми установками БРСД «Дунфан-21А» (дальность стрельбы — до 2800 км);
- три бригады с 36 пусковыми установками БРСД «Дунфан-21С» (дальность стрельбы — до 2800 км);
- две бригады с 24 пусковыми установками БРСД «Дунфан-21D» (дальность стрельбы — 1600—2000 км в зависимости от массы головной части);
- четыре бригады с 64 пусковыми установками ОТР «Дунфан-15А» (дальность стрельбы — до 900 км);
- две бригады с 32 пусковыми установками ОТР «Дунфан-15В» (дальность стрельбы — до 900 км);
- четыре бригады с 108 пусковыми установками ОТР «Дунфан-11А» (дальность стрельбы — до 500 км);
- две бригады со 54 пусковыми установками КРНБ «Дунхай-10» (дальность стрельбы — до 2000 км)⁶.

Таким образом, во Втором артиллерийском корпусе насчитывается 478 развернутых пусковых установок (51 с МБР, 169 с БРСД, 204 с ОТР и 54 с КРНБ).

В настоящее время межконтинентальные и средней дальности баллистические ракеты за исключением БРСД «Дунфан-21D» оснащаются моноблочными ядерными головными частями мощностью от 300 кт до 2 Мт, оперативно-тактические ракеты — моноблочной ядерной головной частью переменной мощности от 5 до 20 кт, а КРНБ — моноблочной ядерной боевой частью мощностью 20—90 кт. БРСД «Дунфан-21С», ОТР и КРНБ также могут оснащаться неядерными головными частями, а БРСД «Дунфан-21D» — только неядерной головной частью. Эта ракета специально разработана для поражения надводных кораблей противника (принята на вооружение в конце 2012 г.). Она оснащается управляемой фугасно-осколочной боевой частью с радиолокационной головкой наведения и системой селекции целей.

Выделяемый для ракетных бригад Второго артиллерийского корпуса боекомплект ядерных боеприпасов может с учетом войскового резерва составлять до 470 единиц.

В совершенствовании наземного компонента ядерных сил Китая акцент сделан на оснащение МБР и БРСД разделяющейся головной частью типа «Мирв» (с боеголовками индивидуального наведения) и средствами преодоления противоракетной обороны. Наряду с этим ведется разработка двух новых ракет мобильного базирования — БРСД «Дунфан-25» и МБР «Дунфан-41».

Твердотопливная БРСД «Дунфан-25» создается на базе первой и второй маршевых ступеней МБР «Дунфан-31» с оснащением ее разделяющейся ядерной головной частью с тремя боеголовками индивидуального наведения на цель. Предположительно максимальная дальность стрельбы этой ракеты составит 4000 км. Ее принятие на вооружение возможно на рубеже 2016 г.

Трехступенчатая твердотопливная МБР «Дунфан-41» создается как универсальная ракета, предназначенная для развертывания на двух типах мобильного ракетного комплекса — грунтового и железнодорожного. По имеющейся информации, она будет оснащаться ядерной головной частью с 6—10 боеголовками индивидуального наведения на цель. Предполагается, что дальность стрельбы этой ракеты составит 10 000—12 000 км.

Новым направлением становится создание ракетносителя с гиперзвуковым планирующим летательным аппаратом, который может оснащаться ядерным зарядом. Его первое летное испытание проведено в январе 2014 г.

Морской компонент ядерных сил Китая пока развит слабо. Он состоит из трех атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ): одной лодки типа «Ся» (проект 092) с 12 БРПЛ «Цзюйлань-1» (дальность стрельбы — до 2400 км) и двух лодок типа «Цзинь» (проект 094) с 12 БРПЛ «Цзюйлань-2» на каждой. Дальность стрельбы этой БРПЛ — до 8000 км.

БРПЛ «Цзюйлань-1» оснащается моноблочной ядерной головной частью мощностью 350 кт, а БРПЛ «Цзюйлань-2» — моноблочной ядерной головной частью мощностью 500 кт.

Строительство ПЛАРБ типа «Ся» и производство БРПЛ «Цзюйлань-1» прекращено в 1990-х годах, а имеющаяся лодка этого типа практически постоянно находится у пирса в военно-морской базе Циндао на полуострове Шаньдун.

Строительство ПЛАРБ типа «Цзинь» ведется в рамках реализации программы «Великая океанская стена», которая предусматривает ввод в строй к 2020 г. пяти (по другим данным — шести) лодок данного типа. В настоящее время на стапелях Бохайского судостроительного завода находятся в разной степени готовности третья и четвертая лодки. Вместе с тем принятые в боевой состав Военно-морских сил Китая две первые лодки типа «Цзинь» до сих пор не обрели оперативного статуса (они не привлекаются к боевому патрулированию). Причина состоит в том, что БРПЛ «Цзюйлань-2», которой вооружены эти лодки, не принята на вооружение. Ныне данные лодки базируются на военно-морской базе Юйлинь на острове Хайнань.

Существующие войсковые запасы ядерных головных частей для БРПЛ «Цзюйлань-1» оцениваются в 15 единиц, для БРПЛ «Цзюйлань-2» — в 30 единиц.

В развитии морского компонента ядерных сил Китая основные усилия направлены на ускорение строительства

ПЛАРБ типа «Цзинь» и завершение летных испытаний БРПЛ «Цзюйлань-2», чтобы принять эту ракету на вооружение в конце 2014 г. Наряду с этим ведется опытно-конструкторская работа по оснащению БРПЛ «Цзюйлань» разделяющейся головной частью типа «Мирв» и средствами преодоления противоракетной обороны.

Перспективное направление — постройка головной ПЛАРБ нового поколения (проект 096), которая во многом будет аналогична американской ПЛАРБ класса «Огайо». Эту лодку планируется вооружить 24 БРПЛ.

Проведенная оценка китайского ядерного потенциала свидетельствует, что сегодня Китай обладает третьим после России и США ядерным арсеналом. Его запасы ядерных боеприпасов, предназначенных для оперативного развертывания, составляют около 1100 единиц, что в два раза больше, чем у Великобритании и Франции вместе взятых.

К тому же при оценке ядерного арсенала Китая не следует сбрасывать со счетов такой фактор, как наличие в местах дислокации ракетных баз Второго артиллерийского корпуса развитой системы подземных тоннелей общей протяженностью в несколько тысяч километров. Это наводит на предположение, что в этих грандиозных сооружениях может находиться значительное количество резервных мобильных пусковых установок с баллистическими и крылатыми ракетами, а также склады ядерных боеприпасов.

Представляется очевидным, что Китай осуществляет серьезную долгосрочную программу создания качественно новых ядерных сил и его ядерный арсенал не следует недооценивать. Настало время для вовлечения Китая в том или ином формате в переговорный процесс по ядерному разоружению, без чего вряд ли возможно придать этому процессу дополнительный импульс, даже в случае урегулирования ныне существующих разногласий между Россией и США.

ВЫВОДЫ

Алексей Арбатов

1. В последние годы динамичное развитие Китая побуждает Пекин играть более активную роль в мировой экономике и политике. Высокие темпы экономического роста крайне важны для сохранения стабильности в обществе и поддержания существующей политической системы. Развитие экономики увеличивает спрос на импорт сырьевых ресурсов и создает соблазн обеспечить бесперебойность поставок с помощью военной силы. В то же время феноменальный экономический рост и технологическое развитие служат основой для наращивания военного потенциала. В результате в последнее время Китай прибегает к политике военных угроз в близлежащих морских зонах и проводит всеобъемлющую модернизацию ядерных и обычных вооруженных сил.

2. В то же время КНР чрезвычайно зависит от экономического сотрудничества с США и другими передовыми странами Запада, выступающими в роли потребителей китайской экспортной продукции, источников инвестиций и высоких технологий для его экономики. Для снижения обеспокоенности других стран китайское руководство в 2003 г. сформулировало стратегию «мирного развития», позднее преобразованную в концепцию построения «гармоничного мира». В соответствии с этой концепцией Китай проводит независимую, истинно «многовекторную» внешнюю политику и заявляет о намерении играть конструктивную роль на мировой арене, реализуя свои интересы мирными средствами.

3. Глубокие разногласия, напряженность и «война санкций» между Россией и Западом ставят Китай в чрезвычайно выгодное положение в складывающемся полицентричном мироустройстве. В КНР господствует мнение, что в XXI в. страна станет самой могущественной державой на планете. В связи с этим ожидается, что Китаю предстоит острая конкурентная борьба с Соединенными Штатами за региональное, а затем и глобальное лидерство. Поэтому Китай заинтересован в близких отношениях с Россией, чтобы использовать ее природные ресурсы, геополитическое пространство и некоторые передовые военные и атомно-

энергетические технологии. Но в то же время КНР выше всего ценит свободу рук и потому не склонен брать на себя обязательства по защите интересов России, не станет вовлекаться в ее нынешнюю конфронтацию с Западом. Более того, Китай, вероятно, сильно соблазняет возможность занять место СССР/России в качестве признанного основного контрагента США в решении проблем не только мировой экономики, но и международной безопасности. Рано или поздно сфера взаимодействия двух сверхдержав XXI в. по логике вещей должна включить и переговоры по ядерным вооружениям.

4. Программа модернизации и наращивания ракетно-ядерных вооружений, которую Китай осуществляет весьма осторожно (во всяком случае, в той мере, в какой об этом известно окружающему миру), имеет как статусный характер, так и целеполагание на усиление потенциала ядерного сдерживания в отношении США, Индии и (негласно) России. В силу традиций и национальной специфики китайского стратегического мышления этот курс может осуществляться с использованием весьма неожиданных для Запада и России приемов. В частности, наряду с постепенным увеличением количества и улучшением характеристик стратегических ракет, ракет средней дальности, а также оперативно-тактических ракет (последние два класса систем снабжены как ядерными, так и высокоточными обычными боевыми частями), Китай, возможно, размещает часть своего ракетно-ядерного арсенала в подземных тоннельных сооружениях. Это не имеет прецедента во всей семидесятилетней истории гонки ядерных вооружений. Кроме того, КНР разрабатывает и испытывает собственную систему ПРО и противоспутниковое оружие.

5. Китай — единственная из ядерных держав «большой пятерки» (и среди девяти ядерных государств в целом), официально провозгласившая безоговорочное обязательство неприменения ядерного оружия первой. Вместе с тем КНР — единственная из держав «большой пятерки», не предоставляющая никакой официальной информации о составе и численности своих ядерных сил. Китай объясняет секретность соображениями сдерживания, поскольку его ядерный арсенал несопоставимо уступает по размерам силам США или России. Однако даже без учета таинствен-

ных подземных тоннелей вполне вероятно, что Китай в настоящее время является третьей ядерной державой после России и США. Вопреки официальным объяснениям полная секретность информации о китайских ядерных силах на деле может объясняться не их малым размером и уязвимостью, а наоборот — преследовать цель сокрытия большой избыточности ядерного арсенала. Более того, Китай является единственной страной в мире за исключением России и США, чей экономический и технический потенциал позволяет существенно увеличить ядерные силы за сравнительно короткое время.

6. Таким образом, при разработке планов модернизации своих стратегических сил и обсуждении новых инициатив по сокращению ядерных вооружений США и России необходимо учитывать «китайский фактор». Нынешняя российско-американская конфронтация из-за украинского кризиса и тупиковая ситуация с дальнейшими переговорами об ограничении ядерных вооружений, судя по всему, не оставляют шансов на вовлечение Китая в процесс контроля над ядерным оружием. Однако в обозримом будущем политические соображения и интересы безопасности США и Китая могут создать возможность для их более содержательного двустороннего диалога по стратегическим вооружениям.

Помимо стратегических целей ограничения ракетных сил КНР для США это стало бы способом отеснить Россию (в свете уроков украинского кризиса и позиции Москвы по сокращению ядерного оружия) на периферию проблематики международной безопасности. А для КНР это было бы шансом занять место второй сверхдержавы в стратегическом диалоге с США. Хотя данная инициатива обосновывалась бы благими целями ядерного разоружения и в военном отношении была бы даже выгодна России, с политической точки зрения она едва ли обрадует Москву. И пусть в ближайшем будущем такой поворот событий выглядит не очень реальным, России следует заранее просчитывать такую вероятность в своей внешней и военной политике в области ядерного разоружения.

7. До сих пор позиция Китая состояла в том, что он может присоединиться к ядерному разоружению лишь тогда, когда США и Россия существенно снизят численность своих

ядерных вооружений (приближаясь к уровню Китая), примет обязательство не применять ядерного оружия первыми, а также устранят ряд военных и политических «дестабилизирующих» факторов. Эта позиция Пекина, видимо, носит политико-пропагандистский характер.

Вместе с тем весьма наивной представляется нынешняя политическая линия США и России, которые призывают Китай присоединиться к процессу ядерного разоружения, «открыть» свои силы и программы в качестве жеста доброй воли и вклада в благородное дело ядерного разоружения. Этого никогда не случится: Китай можно вовлечь в процесс контроля над ядерными вооружениями только на прагматической основе, если и когда он придет к выводу, что его уступки в плане ограничения вооружений будут компенсироваться стратегическими уступками США и (по умолчанию) России, интересующими Пекин.

Аналогичным образом идеи «подключения Китая к контролю над ядерными вооружениями», «присоединения к американско-российским переговорам» совершенно нереалистичны. В лучшем случае Китай будет участвовать в переговорах с США (и, возможно, косвенно — путем консультаций с Россией) только в том формате, который выберет сам, исходя из собственных стратегических целей и на той концептуальной основе, которая будет соответствовать его интересам.

8. В каком-то смысле, чтобы Китай присоединился к процессу контроля над ядерными вооружениями, военную политику придется менять не только Пекину, но и Вашингтону с Москвой. США и России следует прямо или косвенно признать наличие у них отношений взаимного ядерного сдерживания с Китаем и право последнего на возможность гарантированного, пусть и ограниченного ответного удара. Это может затронуть гарантии США своим союзникам и косвенно предусматривает снижение опоры России на ядерную составляющую для восполнения растущего отставания от Китая в обычных вооруженных силах в Сибири и на Дальнем Востоке.

9. Судя по всему, для того, чтобы Китай постепенно «раскрыл» информацию о своих ядерных силах, а затем и пошел

на ограничение своих стратегических вооружений, необходимы как минимум следующие условия:

- США должны взять на себя обязательство не наращивать силы и средства ПРО наземного и морского базирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе и обеспечить их достаточную транспарентность, чтобы Китай не беспокоился относительно своего потенциала ядерного сдерживания.
- США должны согласиться на меры по ограничению и определенной транспарентности в отношении своих неядерных наступательных вооружений (как стратегических, так и промежуточной дальности), включая системы быстрого глобального удара, чтобы Китай не опасался, что они подорвут его потенциал ядерного сдерживания и лишат смысла обязательство о неприменении ядерного оружия первым.

9. Найти компромисс между нежеланием США даже думать о возможности стратегического паритета с Китаем и возражениями Пекина против легализации стратегического превосходства Соединенных Штатов над КНР будет нелегко — даже при наличии у обеих сторон политической воли для начала практического ограничения вооружений. Но выход можно открыть на основе первоначальных частичных ограничений. В качестве иллюстрации приведем такой вариант: установление совокупных потолков на наземные МБР и ракеты средней и меньшей дальности на основе равенства двух сторон (скажем, по 400—500 единиц). Этот подход интегрирует некоторые условия российско-американских договоров по СНВ и РСМД. Поскольку у США нет ракет средней и меньшей дальности, по этому соглашению им придется ограничить только свой арсенал МБР, тогда как Китай должен будет ограничить количество всех своих ракет трех классов дальностью свыше 500 км.

Соединенные Штаты получили бы потолок на будущее число китайских стратегических систем (причем в ядерном и обычном оснащении), нарастить которые можно быстрее всего. А КНР помимо престижных плодов выиграл бы от ограничения и транспарентности американских оборонительных и наступательных вооружений на Тихом океане. Легализовав равенство с США по трем классам ракетных

систем, он оставил бы за собой право сравняться и по другим составляющим стратегической триады.

10. Именно так сорок с лишним лет назад СССР и США начали процесс контроля над стратегическими вооружениями, заключив Договор по ПРО и Временное соглашение ОСВ-1 (1972 г.). Россия, в свою очередь, могла бы легко присоединиться к такому соглашению, если бы сочла это приемлемым с политической точки зрения. В известном смысле это отвечало бы ее нынешним требованиям — как первый шаг в переходе с двустороннего на многосторонний формат ядерного разоружения, в универсализации Договора о ракетах средней и меньшей дальности, в мерах ограничения систем ПРО и стратегических средств в обычном оснащении. Но чтобы не остаться в стороне от этого процесса, ей пришлось бы основательно обдумать свою нынешнюю позицию по сокращению ядерного оружия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ China's National Defense in 2010: II. National Defense Policy // http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263420.htm.

² Ibid.

³ Saalman L. China and the US Nuclear Posture Review. — Beijing: Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy, 2011. — P. 33.

⁴ См.: Eliminating Nuclear Threats: Report of the International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament

/ G. Evans and Y. Kawaguchi co-chairs. — Canberra: Paragon, 2009. — P. 22.

⁵ China's National Defense in 2010: X. Arms Control and Disarmament // http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263885.htm.

⁶ КРНБ «Дунхай-10» является наземной версией КРВБ «Чан Цзян-10А», принята на вооружение в 2005—2006 гг.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир, Московский Центр Карнеги начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Основанный в 1910 г., Фонд Карнеги является ведущей негосударственной экспертно-аналитической организацией, специализирующейся на международных отношениях. Это первая действительно глобальная научно-исследовательская организация, имеющая офисы в Вашингтоне, Москве, Пекине, Бейруте и Брюсселе.

© 2014 *Carnegie Endowment for International Peace*. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступает с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Карнеги.

@CarnegieRu

facebook.com/CarnegieMoscowRu